

Независимая газета

#64 (3744) от 31.03.2006

Анастасия Мазуренко

Село Перемилово и его обитатели. Мир и дар Владимира Любарова

15 лет назад преуспевающий книжный график Владимир Любаров переселился из Москвы во владимирскую деревню Перемилово, где создал свой неповторимый мир, полный грудастых баб, подгулявших мужичков, летающих евреев, кричащих рыб и вороватых котов. Любаров рисует не знакомые с детства лица, а портреты человеческих душ, деревенское наводнение для него – не разрушительное явление природы, а состояние русской души, не случайно его работы так любят на Западе. Крестьянский лубок, герои Босха и Брейгеля, Шагала и Ситникова – вот предшественники его фантазмагорий. Лучшие иллюстрации Любаров сделал к Гоголю, Лему, Стругацким. Недавно в Доме Нащокина прошла ретроспективная выставка народного художника.

-Владимир Семенович, расскажите, как преуспевающий столичный художник становится деревенским бытописателем?

– Вы знаете, осточертело все! И я потрясающее нашел место: на косогоре, внизу река, совершенно нетронутая природа. И какая-то ужасно добрая деревня. Я таких людей доброжелательных, искренних не видел никогда в жизни. Рай оказывается достижим. После переезда в деревню – с шага совершенно иррационального для меня – в моей жизни изменилось все. Начнем с того, что я полностью сменил свое амплуа, перестал быть книжным художником. А я всю жизнь был главным художником: сначала в издательстве «Реклама», потом в журнале «Химия и жизнь», потом в первом частном издательстве «Текст». То есть я был во многом функционером. А после переезда в деревню стал совершеннейшим разгильдяем. Занялся станковой живописью, которая раньше не занимала в моей жизни серьезного места. Но даже в страшном или чудном сне мне не представлялось, что эти картинки вдруг кому-то понадобятся.

Все мои друзья смотрели и говорили: «Иллюстрации к Вольтеру – какая была высота! Куда ты упал? Рисуешь каких-то колхозников...» Я им отвечал: «Друзья, вы ничего не понимаете!» Это длилось до тех пор, пока коллекционер Кристина Делавр не увидела мои картинки и не начала меня продвигать за границу.

Я получил заказ на русские пословицы от издательства из Великобритании. Книга имела большой успех и до сих пор продается в Европе.

– В 70-е вы получили известность прежде всего как книжный график и главный художник легендарного журнала «Химия и жизнь». Научно-техническая иллюстрация в то время была отличной синекурой, художники были свободны и делали почти все, что хотели.

– Вообще оформительское искусство было в то время на очень высоком уровне. А научные редакции отличались хорошим уровнем культуры и восприятия изобразительного искусства, поэтому мы и прижились там. Художники не пытались дидактически объяснить смысл статей – скорее речь шла об ассоциативном ряде. Надо сказать, что художники все там были очень умные и, как показало сегодняшнее время, их взгляд на мир во многом был мудрым и более правильным. Более сложным и неоднозначным. У меня было очень много друзей, от которых я вдруг неожиданно узнавал, что они выписывают «Химию и жизнь». Другу я говорил: «Почему вдруг ты, человек, который так далек от химии?» Он отвечал: «Я далек от химии, но я близок к жизни, и вообще я, честно говоря, журнал почти не читаю, а смотрю картинки». Сейчас уже мало кто помнит «Химию и жизнь», хотя она выходит до сих пор.

– Вашу живопись можно назвать литературной? Мне кажется, что ваши работы легко поддаются литературной интерпретации, по ним можно сочинять рассказы.

– Да, я думаю, что она, может быть, даже слишком литературная. Почти 30 лет я иллюстрировал книги. Может это испариться? Конечно, нет. Я художник и сочинитель в одном лице. Мне вообще трудно сделать картинку, если я про этого человека ничего не сочиню. Когда писатели у меня спрашивают: «Сделаешь мне книгу?» – я говорю: «Я теперь работаю художником». – «А я тебя кем приглашаю?» – «Ты меня приглашаешь быть иллюстратором, а я теперь сам сочиняю истории». Мои картинки – как в русском лубке: там художник сочиняет целый роман и изображает из него небольшую сценку. Я штудировал лубок, пытался понять, как это сделано, что за что зацепилось, страшно художнику было или смешно, работал он на вдохновении или его работы так хороши, потому что он другой лубок видел – у соседа. Сейчас уже хорошего лубка нет. А тот, что есть, – очень часто пошлый, примитивный. В самом худшем смысле этого слова.

– Недавно вы иллюстрировали книгу Улицкой, которая узнала в вашем «Перемилове» свое детство. Вам не пришлось выдумывать – персонажи «Детства сорок девять» уже жили на ваших картинах.

– Действительно, она увидела в моих работах Москву 50-х годов, хотя я делал Юрьев-Польский и Переславль-Залесский, не воспроизводя их буквально. Я люблю там бывать и пишу в основном по памяти. Об ощущении старой Москвы я никогда не думал, на мысль, что я нарисовал свое детство, меня навела Улицкая. Я вообще не люблю, когда художник-иллюстратор пытается повторить в изобразительном виде то, что сказал писатель. Мне

кажется, что это ограничивает читателя, у него должна работать своя фантазия. А я создаю фон. Чтобы читатель читал Книгу, а не книжку с картинками для маленьких: кошка и рядышком котенок. Мне наоборот хочется: если котенок – значит тигра нарисовать.

– Какие они – перемиловцы? Чем отличаются от городских жителей?

– Представьте себе жизнь в деревне: телевизор там до сих пор до десяти часов ничего не показывает, несмотря на то что мне сделали роскошную антенну. Остается радио «Эхо Москвы» и общение с людьми. В Москве я общаюсь с интеллигенцией, а там – с простыми людьми. Общаешься с интеллигентами и как-то все время смотришь на себя со стороны, каждое свое слово взвешиваешь: а что я скажу, а как я буду выглядеть? А там я общаюсь – и говорю все как есть. За исключением того, что может обидеть людей. В городе простые люди – пусть они меня простят – мне кажутся в значительно большей степени хамами, чем деревенские. В деревне даже такого слова, как антисемитизм, не знают. Никогда не было у них агрессии. В русском народном человеке ее нет – по крайней мере сужу по своему опыту. Вообще провинция и Москва – это две страны, в Европе этого нет. Взять Германию: приезжаешь в маленький городок – там роскошный супермаркет, жизнь мало чем отличается от большого города. У нас же в провинции разруха, бедность невероятная. Но здесь другой ритм, совершенно немосковский, я здесь отдыхаю душой. Дух развитой, доброжелательность, трудолюбие. Пьянство чисто русское – это не пьянство бомжей, на которых страшно смотреть. Здесь хорошая природа, постоянный труд. А потом это как приятно – чудный воздух. Сядешь на крыльцо – можешь просидеть час, ни о чем не думая. И в то же время какая-то происходит работа.

– Почему перемиловские женщины такие большие?

– Если говорить серьезно, то если из Перемилова и всех соседних деревень вынуть женщину, все, конец, деревня тут же умрет. Потому что на женщине держится русская деревня. Мужик пьет, мужик гуляет, серьезно о семье не думает. А еще я тут использовал прием художников-примитивистов: у них часто одна фигура большая, а вокруг маленькие. Художники лубка рисовали прекрасно, без всяких знаний перспективы и анатомии. Они более значительного человека делали больше, менее значительный человек был меньше, таким образом подчеркивали свое отношение. А я женщину деревенскую уважаю больше и больше ценю. В этом есть и реальная правда, потому что мужик измелечал не только нравственно, но и физически.

– Ваши персонажи живут в сегодняшней деревне или это мир, которого уже нет? Перемилово ваше вообще сказочное, как будто придуманное.

– А оно есть в действительности. Наверное, если бы было придуманное, я бы назвал по-другому. Войнович ко мне приехал: «А где разваленный сарай – у тебя там был нарисован? А где ты русалок видел?» Видимо, убедительностью обладают картинки.

Когда я поселился в деревне и начал в ней жить, я воспринимал ее как на картинах художников 20-х годов XIX века. Дома такие же. Все такое же. А я тех жителей и не знаю, только представить себе могу. Поэтому я иногда мог надеть картуз, который носили до 40-х, так же, как его носили при Кустодиеве, а после войны перестали носить. Делал я это потому, что хотел какую-то связь времен почувствовать. Когда копаешь огород, в слоях земли то найдешь старинную подкову, то керосиновую лампу, утюги, чайники. Не может это не повлиять, когда пишешь картины.

Кроме того, я таким образом показываю: в деревне жизнь не развивается, как в больших городах. Когда я приеду из Москвы, как там Колька сидел на бревне и сигарку курил, так в этой позе и сидит, ну, может, чаю попить отошел. Нединамичность этой жизни таким образом у меня отражалась. Размыть год, даже столетие – так же как чуть-чуть размыть индивидуальные черты и сделать архетип человека.

– А как бывает: вы что-то сочиняете и легенда оказывается почти правдой или же наоборот?

– Это очень хороший вопрос. В общем и целом – этот процесс взаимный. Часто бывает, что мои персонажи «оживают» и приходят засвидетельствовать мне свое почтение. У меня был случай, когда я нарисовал Васю: я сочинил историю, как некто Вася поехал в провинциальный городок Юрьев-Польский. Я обожаю этот город, он в сорока километрах находится от деревни Перемилово. Вася поехал, купил пол-литра, рыбу какую-то большую, еще чего-то, стоит с велосипедом и позирует мне. Нарисовал я эту картину, прошло месяц-два, слышу, жена кричит мне: «Посмотри, твой персонаж пришел!» Пришел Вася, его, правда, звали по-другому, но точно Вася! Он пришел предлагать работу: «Я слышал, тебе парник нужно поставить, огород вскопать?» Многие мои персонажи – это собирательные образы моих друзей. Я часто картину называю «Коля». Что-то внутренне, конечно, от своего друга Коли я даю, но это не портрет. Хотя иногда я прямо подписываю: такой-то. Но это чаще всего игра. Очень печально, что все мои друзья в Перемилово уже умерли.

– При первом же взгляде на некоторые ваши работы невольно на ум приходит живопись Северного Возрождения – Босх, Брейгель, даже маньерист Арчимбольдо – художники, которых волновала проблематика двойственности человеческой природы. Их работы достаточно близки к народному искусству.

– Конечно, на меня Северное Возрождение очень сильно повлияло, и Брейгель, и Босх. Я помню, когда увидел их впервые в альбоме – мне было тогда лет 17, – я совершенно был поражен, неделю ходил с больной головой. Потому что Южное Возрождение – более реалистическое, более наполненное телесно, а Северное – такое изысканно-тонкое, наполненное мифами, лукавством народным. Что касается художника Арчимбольдо – мне он очень нравится. Руссо обожаю, периодически открываю какие-то новые грани в нем. Мне близки югославские примитивисты – Иван Генералич и его сын, наш современник, он почти неизвестен. Но сказать, что я кому-то следовал, – нет.

– *После Шагала в России никто еще не создавал столь самобытного, отчасти фантастического, отчасти иронично-обаятельного уютного мирка русских евреев. Откуда во Владимирской области летающие евреи?*

– В 92-м году я впервые поехал в Европу, в Антверпен, как главный художник издательства «Текст». Меня поселили на углу еврейского квартала, о чем я, естественно, не знал. В первый день цивилизованные европейцы меня напоили очень крепко. С утра болит голова. Я решил, что мне надо поправить здоровье – тут уж что Европа, что Россия... Я вышел из гостиницы, потому что мне было неудобно спрашивать: «Где у вас тут выпить можно?» Вышел, смотрю – человек идет: черная борода, шляпа черная и черное пальто почти подметает улицу. Прошел дальше – второй такой человек, третий. Ну, думаю, – все, допился. Первый раз в жизни я увидел ортодоксального еврея. И вспомнил бабушку. Бабушка у меня была настоящая правоверная еврейка, родилась она в Польше, жила в местечке. И вот эта тема у меня осталась в голове, и, когда я обнаглел и стал рисовать картины уже маслом, я, конечно, попытался выразить свое восхищение этими людьми, бабушкой, тяжелой судьбой, юмором необычайным. Конечно, я изобразил мир, которого уже нет, мы видим отголоски этого мира, но они очень театральные. Это такой небольшой театр. Я взял евреев и поселил в чисто русской деревне, где они вообще не могут находиться. Они у меня там зажили жизнью, которой положено жить русским крестьянам. Там они и водочку пьют, и в баньке парятся, и среди березок отдыхают. Оказалось, что это все было на самом деле. Не так давно я прочитал, что рядом с моей деревней Перемилово был Шуйский уезд, в котором было 300 еврейских семей, были синагоги, были погромы. Все, что сгинуло после революции.

– *Ваша серия «Наводнение» – тоже сказка, ставшая былью. Каждую весну приходит паводок и деревню затопливает. «Наводнение» – состояние русской души?*

– Смысл этой серии заключается в том, что ничего не надо преодолевать – вода уйдет сама. Более того – не надо мир подстраивать под себя, надо подстроиться под мир. По сути дела, городской человек сейчас такой созидательный, активный, он и к миру

подстраивается, но и мир хочет изменить. А человек деревенский мыслит только в одном направлении: подстроиться под мир. Дождь пошел – что ты можешь сделать? У нас облака начинают разгонять – для человека деревенского это же вообще какие-то чудеса, может быть, даже и вредные – вмешательство в природу. И экологию деревенский житель не портит. Этому меня тоже жизнь научила. Я сейчас вообще плыву по течению, а раньше что-то стремился запланировать в своей жизни, чего-то добиться...

– *Вы рассуждаете почти как даосский мудрец, философствующий о прелести «недеяния», и одновременно в ваших словах есть оттенок типично русской лениности.*

– Я на телевидении в прямом эфире был, и меня спросила ведущая: «Ну что вы можете про перемиловцев сказать – трудолюбивые они или с ленцой?» А там надо отвечать очень быстро. Я сказал: «Трудолюбивые и с ленцой». Потом уже я подумал и понял, что это точная оценка. Философии там внутри нет никакой. Это менталитет. Не думаю, что они не делают чего-то осмысленно. Правда, в деревне есть и чудачки, юродивые, которые начинают баламутить народ, что-то изобретать, какую-нибудь электростанцию строить – раньше, конечно. И таких людей деревня, как правило, не понимает. А мне стало спокойнее жить, когда я часть этого деревенского менталитета неосознанно в себя взял. Я думаю, что истина где-то посередине: важно и что-то созидать, и в себе человеческое не терять при этом. Я вообще часто у людей спрашиваю: «А что я сделал?» Через деревню я пришел к этой земле, а вместе с землей – к этой самой масляной краске. У меня это вышло очень органично, я как бы к себе домой пришел. Бывает, скитается человек и не знает, где его пристанище. И случай меня привел в Перемилово.